

21 МАР. 1969

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОССИИ

Г. МОСКВА

Борис ПОПОВ, заслуженный артист РСФСР

«АНТАР»

быль

В половине третьего ночи меня разбудил телефонный звонок.

— Алло.

— Квартира Попова?

— Да.

— Вас вызывает Германская Демократическая Республика, город Галле.

— Соедините.

«Кто бы это мог быть, — подумал я, — и в такой поздний час... Может быть, ошибка?» Ко всему прочему, я был болен, жестокий грипп держал меня третий день в постели с высокой температурой. Прошла еще минута, и в трубке послышалось:

— Товарищ Попов?

— Да-да, это я. Кто говорит со мной?

И тут на меня посыпался град еле понятных слов — смесь русской и немецкой речи, и я совершенно ничего не мог разобрать.

— Говорите, пожалуйста, по-немецки, я все пойму... Так что же случилось?

— Вас беспокоит главный дирижер музыкального театра «Молодая гвардия» из города Галле, моя фамилия Венцель. Простите за поздний час, но дело не терпит отлагательства, и я вынужден беспокоить вас просьбой... Вы меня слышите?

— Да, я вас слышу. Так какая же у вас просьба? Говорите...

— В субботу в 16 часов в нашем театре должна состояться премьера (названия спектакля я не разобрал: не то «Кроваво-красная роза», не то «Красный цветок»). Для музыкального оформления нам необходима магнитофонная запись симфонической сюиты Римского-Корсакова «Антар».

— «Антар»? — переспросил я.

— Совершенно верно, «Антар». И обязательно в исполнении оркестра под руководством дирижера Константина Иванова. Это лучшая запись.

Я сделал паузу, вспоминая, какое сегодня число и день. В трубке Венцель беспрестанно спрашивал, понял ли я его.

— Я вас понял, но я не могу понять, как это вы к субботе хотите получить запись, когда сейчас ночь среды на четверг? Значит, послезавтра «Антар» должен быть у вас?

— Да, не позже 12 часов дня.

У нас в стране есть одна-единственная грампластинка, мы ее прослушали, качество такое, что использовать невозможно... Нам нужна безупречная запись с Константином Ивановым, и без нее премьеры состояться не может. За репетициями, за другими делами, в надежде, что пластинка у нас есть, мы оказались в самом затруднительном положении, и вот товарищи из Общества дружбы — Буш и Вагнер, вы, конечно, помните их по своей прошлой поездке по ГДР — посоветовали мне обратиться к вам.

— Но чем же я могу помочь, дорогой коллега? Во-первых, я болен и не встаю с постели, во-вторых, я понятия не имею, где мне искать эту запись.

Снова послышались мелкие разряды, шумы, похожие на дуновение сильного ветра. Я понимал, что коллега Венцель сильно нервничает, я знаю организованность немцев, и данный случай явился для театра серьезным ЧП.

— Я очень огорчен вашей болезнью, — послышалось издали, — но, может быть, вы будете столько добры и позвоните лично Константину Иванову? Быть может, он согласится переслать нам на пару недель «Антар» из своей коллекции...

— Я с удовольствием это сделаю... Но если Иванов даст свою запись, все же как мы практически доставим ее вам, ведь остается двое суток?

— С первым полетчиком на берлинском самолете, в субботу утром. Наш коллега прибудет специально на аэродром.

— Довольно детективная ситуация, но пока что давайте подождем, что скажет Иванов... Сейчас три часа ночи. Я ставлю будильник на девять утра. Попытаюсь разыскать Иванова...

— Благодарю вас, завтра в десять часов по московскому времени (я теперь в курсе дела) я звоню вам, а потом мы будем связываться с Москвой каждые три часа, пока не уточним все вопросы до последнего пункта.

— Я обещаю вам... если не запретят врачи, — смеясь, сказал я ему.

— Еще раз примите мои извинения и пожелания скорейшего выздоровления. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи вам... Послышались короткие гудки отбоя.

Ночь не оказалась спокойной. Я стал усиленно лечиться, предвидя завтрашний день трудным и нервным. Я глотал таблетки, ставил горчичники, полоскал горло. Но не это лишило меня сна. Обдумывая все, я понял, что даже при наличии у Константина Иванова пластинки мы без определенных формальностей не сможем переслать ее за границу. А выполнение формальностей — это дело ох какое затяжное. Но коллега Венцель чем-то внушил мне сознание важности приобретения сюиты, я знал по своей работе, как часто мелочь, казалось бы, играет совершенно незаменимую роль в завершении того или иного дела. Искусство не терпит суеты, но в искусстве уйма мелочей, ради которых приходится суетиться. У художника всегда, всю жизнь что-нибудь да не готово до конца. У моих коллег в Галле был сейчас именно такой случай. Им надо было помочь. Но как?

В 9 часов 10 минут я дозвонился до Иванова.

— Ах, как вы меня застали! Я приехал с дачи на час и уже стою в шубе, собираюсь уехать... Что же вам, собственно...

— Мне нужен «Антар».

И я начинаю долго рассказывать содержание ночного разговора с Венцелем.

— Что ж, я готов помочь вам, но сначала должен посмотреть, есть ли у меня эта запись. Одну минуточку.

Я ждал. Минуточка длилась долго, наконец он подошел к трубке:

— Вы слушаете?

— Да-да.

— Ума не приложу, но ни пластинки, ни магнитофонной ленты я у себя не нахожу. Вель запись «Антар» производилась много лет назад... Даже не могу припомнить, куда она заделалась. Очень сожалею, но...

Впрочем, вы можете обратиться от моего имени в Радиокomitee к товарищу, который заведует фонотекой, и у него эта вещь обязательно должна быть... Вот вам его телефон...

— Благодарю вас... Простите за беспокойство, я сейчас же позвоню туда...

В Радиокomitee пришлось звонить по многим номерам, пока мне, наконец, сообщили, что «Антар» есть. Я был обрадован, и теперь у меня уже появилась надежда, что театр «Молодая гвардия» мы сможем выручить. Я даже поделился с заведующим отделом фонотеки сомнениями относительно того, не будет ли особой проволочки с оформлением и переправкой записи в Берлин.

— Это мы сможем сделать. В крайнем случае обратимся за помощью к заместителю министра. Только должно быть соблюдено одно условие.

— Какое?

— Запись должна быть высококачественной, иначе за рубежом переслать ее не имеем права, как бы идеально мы ее ни скопировали.

— Как это узнать?

— Сейчас же я дам распоряжение проверить ленту и дать заключение экспертизы. Позвоните мне через час.

Я повесил трубку и стал ждать. Вскоре раздался звонок международной, на проводе был Венцель. Я передал ему обнадеживающие вести, Венцель рассыпался в благодарностях:

— Я позвоню вам через два часа.

— Пожалуйста, я думаю, что к этому времени мы все выясним.

В одиннадцать часов я вновь связался с Радиокomitee.

— Мы вас должны разочаровать. Запись оказалась тринадцатилетней давности и пришла в негодность. Ее надо реставрировать.

Я упал духом.

— Сколько времени нужно для реставрации?

— Несколько дней. И кто знает, какой сорт годности она получит после реставрации.

— Спасибо, в субботу она должна быть в Галле. Желая вам довести ее до высшего сорта годности...

— Сожалею, очень сожалею, но могу дать вам один совет...

— Пожалуйста.

— Обратитесь во Всесоюзный архив грамзаписи, там может оказаться грампластинка, они приобретают обычно самые высококачественные копии. Запишите телефон и спросите Веру Георгиевну. Она опытный работник.

— Благодарю вас.

До четырех часов дня Веры Георгиевны не было на месте и трубку вообще никто не снимал. Венцель звонил за это время дважды, он очень нервничал. Рабочий день подошел к концу, это было в четверг.

В пятom часу вечера я дозвонился до Веры Георгиевны. К счастью, она меня знала по сцене.

— Милая Вера Георгиевна, вы остались, пожалуй, единственной инстанцией, которая может нам помочь.

И я рассказал ей суть дела.

— Одну минуточку.

И снова была длинная минуточка, и снова она наполнилась сомнениями и надеждой.

— Есть! — выкрикнула Вера Георгиевна.

— Дирижирует Константин Иванов?

— Да.

— Очень хорошо. Но... понимаете, ее надо отправить в ГДР.

— Как?!

— И не позднее, как в субботу рано утром.

— Но у меня один-единственный экземпляр. Он, правда, в отличном состоянии и посылать его будет не

стыдно, по это ведь архивный, уникальный в своем роде экземпляр, его бы надо переписать.

— Это длинная процедура?

— Да, надо везти на студию грамзаписи... Впрочем, думаю, что к понедельнику будет готово.

— Исключено!

— Как же быть?

— Доверьте ее мне! Упакуйте сами для большей безопасности. А за аккуратность наших коллег в ГДР я ручаюсь.

Я понимал тогда, что в общем-то ставлю таким ручательством Веру Георгиевну под удар: слишком длинный и сложный путь предстоит проделать этой пластинке. Где гарантия? И случись что-нибудь — женщина понесет ответственность за самовольно изъятую из архива ценность. Надо было рисковать. И я рискнул.

— Через две недели пластинка будет у вас, цела и невредима. Я отвечаю...

— Ну, хорошо. Я вам ее даю. Приезжайте.

— Я не могу приехать, у меня температура. Я прилечу за ней свою жену.

— А как же вы ее перешлете в Германию? — спросила Вера Георгиевна.

Я еще сам не знал, как я это сделаю, но тут же пришла идея:

— Через Дом дружбы.

— Желая вам успеха. И попросите всех быть осторожными, это «Антар»! Если бы вы слышали, как любовно она произнесла это слово — «Антар».

— Через полчаса за пластинкой придут. Спасибо вам большое.

В пятницу утром я созвонился с секретарем общества товарищем Гармашем, рассказал ему всю историю приобретения пластинки, упрямил его написать на бланке общества сопроводительное письмо, а в субботу к десяти часовому рейсу Москва—Берлин доставить на аэродром и передать посылку любому из пассажиров-немцев, которого встретит в Берлине сотрудник театра из Галле.

В субботу в 12 часов по местному времени на берлинском аэродроме приземлился самолет, и спускавшиеся по трапу пассажиры услышали необычное объявление: «Внимание, внимание! Пассажира, у которого на руках пластинка «Антар», просят зайти в справочное бюро аэровокзала, там его ожидают...» «Внимание, внимание...»

В 16 часов в театре «Молодая гвардия» города Галле взвился занавес, и в зрительный зал понеслась очаровательная мелодия сюиты Римского-Корсакова.

А через две недели, день в день, Вере Георгиевне был вручен толстый пакет, в котором находилась целая пластинка и письмо с выражением сердечной благодарности театра за дружескую выручку и помощь.